

МАРИНА КОМАРОВА

ПРАКТИКА
НА ЛЫСКОЙ
ГОРЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К63

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Комарова, Марина Сергеевна.
К63 Практика на Лысой горе / Марина Комарова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Акаде-
мия Магии).

ISBN 978-5-699-95841-2

Все знают, что академий магии много. Но Полтавский магический университет — особенный! Завхозом здесь работает самый настоящий черт, деканом — ведьма, а ректор наводит ужас даже на преподавателей. Но у первокурсницы Дины нет времени удивляться. Кроме того, что учиться очень сложно, никак не получается разобраться с личной жизнью. Могущественный колдун предлагает Дине замужество, а сама она по уши влюблена в того, кого любить и странно, и опасно. Ведь ее избранник — смертельная угроза для любого мага.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95841-2

© Комарова М. С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Ой не ходи, ходи, Орисю, на гору, на Лиску.
Не ходи, ходи, Орисю, а грай на сопілці.
Ой-гой, дриці-дриці, ой-гой, дриці-дриці
Не ходи на Лису гору, а грай на сопілці.

Народная украинская песня

Часть I

СЫН ЧУГАЙСТРА

Глава 1

ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛЯТЬЕ

Вий-Совяцкий — это вам не подарок. Лыс, упитан, в сером невзрачном костюме. Говорит медленно, слушает внимательно. За весь мой рассказ только пару раз недовольно хмыкнул. Если б не это, можно решить, что ректор попросту заснул. Правда, стоило только запнуться, как тяжелые веки приоткрылись, и на меня глянули блеклые голубые глаза.

— Да-да?

Воздух застрял в легких, на лбу выступила испарина. От низкого глубокого голоса по спине пробежали мурашки.

Я подавил вздох и повторил:

— Кафедра мольфаров¹, Павел Константинович.

Он кивнул, протянул руку и еще раз посмотрел на мои документы. Отчаянно скучающий взгляд. На миг показалось, что я сижу на глыбе изо льда, а просторный кабинет заполнило морозное дыхание зимы.

— Ходатайство, значит. Андрей Григорьевич Чугайстрин.

Четко, смакуя каждое слово, будто пробуя на вкус.

---

¹ Мольфар — в культуре гуцулов колдун, человек, управляющий природными силами. (Здесь и далее — прим. автора.)

— Да, — подтвердил я.

— Ну что ж..

Время замерло. Боязно было пошевелиться. Вдруг откажет?

— Посмотрим-посмотрим, — размеренно произнес он, будто вколачивая каждым слогом гвозди. — Пока испытательный срок — месяц, а там... У нас середина года, будете вникать по ходу дела.

Он выдвинул ящик стола, достал коробку из зеленого змеевика. Я затаил дыхание, следя за его действиями. Невольно отметил, что пальцы Вий-Совяцкого неожиданно длинные и гибкие, а ногти слишком грубые. Больше даже на когти похожи, чего уж там.

Он тем временем вытащил пятиугольную печать, подозрительно смахивавшую на пентаграмму, и шлепнул на пропускной лист.

— Пройдите к секретарю, она вас оформит.

Я еле удержался, чтоб не вскочить. Во-первых, за два часа собеседования из меня чуть не вытряхнули душу, во-вторых... просто не верилось.

— Я... принят? — голос на удивление прозвучал ровно.

Он пристально посмотрел на меня, потом чуть прищурился.

— Идите к секретарю, Андрей Григорьевич. Не задерживайте, будьте любезны.

— Да, конечно, — пробормотал я, спешно сгребая документы.

Вий-Совяцкий по-прежнему смотрел на меня, будто изучал новое насекомое, внезапно влезшее на его стол и нарушившее идеальный порядок.

— Вы идите, Андрей Григорьевич. Идите.

Оказавшись в коридоре, возле массивной двери с табличкой «Вий-Совяцкий Павел Константинович, ректор ПНУМ», я смог кое-как прийти в себя. До сих

пор не верилось: я прошел собеседование. При этом ректор не такое уж чудовище, как о нем рассказывали. Хоть и приятного мало.

Мимо пробежала мертвенно-бледная девчонка, удерживая в руках светящийся красный шар. За ней промчались двое старшекурсников, чудом не столкнувшиеся со мной.

— Где здесь секретарь? — успел я крикнуть.

— На второй этаж, первая дверь слева, — бросил один из них, не оглядываясь.

Что ж, сейчас занятия. Поищем самостоятельно.

Поднявшись по широкой лестнице, я нырнул в темный коридор. В воздухе стоял еле уловимый запах хвои и мяты. Интересно, это мольфары стараются? Вряд ли кому-то еще в голову придет экспериментировать с этими ароматами. Все же лес — больше их парафия. Однако, приняхавшись, понял, что экспериментаторы перестарались — отчетливо слышался запах гари. Качнув головой, я подошел к секретарской двери и постучал. Из кабинета доносился пронзительный женский голос, но меня явно не слышали. Постучал еще раз, взгляд упал на табличку «Языкатая Х.Х., секретарь».

Осторожно опустив ручку, я заглянул:

— Разрешите?

Кабинет не уступал по размерам ректорскому, но оказался настолько захламлен, что стоять было практически негде. Везде стопки бумаг, папки, на столе три телефона, по двум сразу говорила худая пожилая женщина. За ее спиной высился приоткрытый шкаф, из которого выглядывали пальто и... метла.

Женщина только стрельнула в меня черными глазами и кивнула. Убрала за ухо темную прядь, выбившуюся из стянутых в пучок волос, и снова застрекотала на такой скорости, что вообще не разобрать, о чем речь.

Метла вдруг с тихим шорохом съехала вниз и стукнулась о пол. Секретарь подпрыгнула от неожиданности.

— Перезвоните через час! — рывкнула она сразу в две трубки и с грохотом положила их на аппараты. — Слушаю вас.

Последнее относилось ко мне, поэтому я тут же протянул ей бумаги. Она нахмурилась, быстро пересмотрела все листы.

— Так-так, точно мольфарское?

— Да, именно, — подтвердил я, стараясь сказать это как можно спокойнее.

Она принялась что-то выписывать на продолговатом бланке.

— Хорошо. Значит, сейчас заселитесь в общежитие. Сегодня уже ваших распустили, знакомиться с группой будете завтра в полдевятого. Сосед ваш Ткачук, правда...

Дверь распахнулась, смерчем в кабинет влетел худенький мужчина в измазанной куртке. Взлохмаченный и возбужденный. Озадаченный и даже испуганный, словно черт, попавший в монастырь.

— Хвесья Харламбиевна, караул! Спасайте, голу-бушка! Эти дармоеды совсем обнаглели, весь этаж мне попортили! Я их и так, и этак, а толку никакого!

— Злыдни, — не отрываясь от бумаг, сообщила она.

— Что? — в один голос переспросили мы вместе с появившимся.

— Не дармоеды, а злыдни, — невозмутимо сообщила Хвесья Харламбиевна, убрав часть моих документов в огромную синюю папку, и отдала мне два талона: на заселение и на питание. — Они у нас по материальным ведомостям больше всего пользы приносят, так что это вы зря.

— Так меня ж Вий-Совяцкий убьет!

— Дидько! Не заворачивайте мне мозги! Вы завхоз или где?

Я чуть не поперхнулся. Вот так фамилия, нечего сказать. Вид у него был настолько расстроенный, что стало даже жалко. Интересно, какого размера неприятности?

— А что... — осторожно начал я, но Хвесья Харлампиевна метнула на нас колючий взгляд.

— Чугайстрин, вас общежитие заждалось. Там все расскажут. Столовая находится на территории университета, возле второго корпуса.

— Спасибо, — быстро ответил я, решив, что лучше не нарываться, и выскользнул за дверь. За мной тут же вышел Дидько.

— Стену выжгли своими заклинаниями, — запоздало ответил он на вопрос. — Уже второй раз за неделю.

Мы зашагали к лестнице. Стояла мертвая тишина, видимо, с пар тут не сбегали.

— А как вы обычно справляетесь? — поинтересовался я.

Дидько пожал плечами:

— Умудрялся выбивать стройматериалы. А тут совсем беда, прям не знаю, что делать. Все закончилось, эх...

Я задумчиво посмотрел на него.

— А показать сможете?

Оторопевший взгляд, пожатие плечами:

— Пошли, чего уж там. Пока эти дармо... злыдни не понабегали.

Мы покинули здание, пересекли большую площадку и направились к двухэтажному строению. Снег хрустел под ногами, мороз щипал щеки. Солнце спряталось за тучи, но настроение все равно было хорошим.

«Пострадавшее» здание оказалось страшной развальной: покосившееся, закопченное, будто печенная в костре картошка, с выбитыми окнами. Даже в крыше обнаружилась дыра, из которой валил густой сизый дым. Кажется, говоря про один этаж, завхоз явно... сказал не все.

— Вы новенький, да? — спросил Дидько.

— Да, — кивнул я.

Завхоз смотрел с доброжелательным любопытством, но вдаваться в подробности не хотелось.

— Кого вам дают, мольфаров с первого курса?

— Да, именно.

Приблизившись к зданию, я почувствовал кислый неприятный запах. Так-так, кто-то, наплевав на безопасность, балуется прикладной умертвولوجией. Не будь у меня в студенческие годы соседа-злыдня и регулярных пожаров в комнате, знать бы не знал, что значит такой запах.

Я остановился и поднес руку к стене, пальцы защекотало. Хмыкнул и покачал головой.

— У вас тут третий курс резвился?

Дидько снова поник и обреченно кивнул. Подошел ко мне и тяжело вздохнул.

— Они, проклятущие. Сашка хоть и гоняет их, но мало. Всю группу бы в подвал на отработки, тогда был бы толк.

Я начертил в воздухе несколько знаков, которые тут же вспыхнули белым, и здание опутала тончайшая светящаяся сеть. По телу разлилось приятное ощущение бодрости и звенящий азарт.

— А кто у нас Сашка? — спросил я, налитывая плетение восстановительной энергией.

— Ткачук, куратор их... Ой, мамо!

Обгоревший дом ослепительно вспыхнул, мы с Дидько разлетелись в разные стороны и рухнули прямо

в снег. Ладонь свело судорогой, тут же заныл затылок, которым я обо что-то приложился. М-да, перестарался.

Двухэтажное здание стало чуть лучше, но ненамного. Но хотя бы пропала дыра в крыше, уже приятно.

Дидько присвистнул:

— Вот паскудники, приложили же... Но и за крышу спасибо.

Он так и сидел в сугробе, видимо, не собираясь вставать. Меня неожиданно прошиб холодный пот, я резко обернулся, не понимая, что случилось.

— Так-так, — прогремел низкий голос.

Подняв голову, я увидел опирающегося на подоконник Вий-Совяцкого. Прищурившись, он смотрел на вмиг побелевшего Дидько.

— Используем силу, Жорж Гаврилович? Работаем руками?

Дидько сглотнул и закивал, но, явно прикипев к месту, не мог даже встать. Я тоже замер, не зная, что делать. Взгляд у ректора и впрямь был... страшный. Это что ж за силища?

— Зайдите ко мне, ведомость прихватите. Побеседуем.

— Бегу, Павел Константинович, — просипел Дидько, с кряхтением пытаясь встать.

Я ухватил его за шиворот и помог подняться.

— Спасибо, — выдохнул завхоз.

— А вы, Чугайстрин, если страдаете топографическим кретинизмом, носите с собой план университета! — прогремело так, что невольно пришлось вжать голову в плечи.

— Да-да, понял, — пробормотал я, глядя, как Дидько трусдой бежит к корпусу, а потом, не теряя времени, быстро ухватил свои вещи и пошел искать общепит. Нарываться на ректора больше не хотелось. Впрочем, леденящий взгляд провожал меня еще долго.

* * *

Полтавский национальный университет магии — заведение с традициями, выпускным шабашем и хорошей репутацией. Характерники¹, злыдни², мольфары, провидцы и ведьмаки, отучившись пять лет, получают высшую квалификацию и направления на рабочие места. Получить же направление в сам университет достаточно сложно. Сюда отбирают по принципу, который для меня так до сих пор и остается загадкой. Если б не твердая рука отца, еще неизвестно, что б могло быть.

Преподавательское общежитие оказалось местом приятным, даже каким-то... домашним. Комендант, сухонький седой старичок, встретил меня с улыбкой. Вручил ключ, но толком ничего рассказать не успел из-за требовательно зазвонившего телефона. Потому лишь махнул в сторону коридора и быстро с кем-то заговорил.

Выделенная мне комнатка оказалась довольно уютной. Мебели по минимуму: шкаф, стол, стул, две кровати. Портрет Гоголя на стене, что неудивительно. Темно-коричневые шторы полностью закрывали окно, словно в него смотреть не стоило. Я сделал было шаг вперед, но в коридоре что-то грохнуло. Послышались охи коменданта. Чуть пожав плечами, я двинулся к свободной кровати и опустил сумку. В любом случае радовало, что здесь порядок. Аккуратный сосед — всегда лучше неряхи.

Время пролетело незаметно, неоднократно упомянутый Ткачук не появлялся. Решив, что познаком-

---

¹ Характерник — ведун и духовный наставник, казак с колдовскими способностями в Запорожской Сечи.

² Злыдень — демоническое существо в украинской и белорусской мифологиях.

люсь позже, я лег спать. Рано вставать — это та еще проблема.

Сон приснился на удивление приятный. Белеющие в темноте округлые плечи, изящные руки, стягивавшие с меня брюки. Пухлые губы с весьма довольной улыбкой. Черные волосы охладили мою шею; в них я тут же вплел пальцы. Воздух наполнился ароматом ландыша. Карие глаза смотрели прямо, с едва уловимой смешинкой. Она вжалась всем телом, меня окатило жаркой волной. Горячая, дурманная, сладкая.

— Какой ты... — промурлыкала она на ухо и прихватила зубами мочку. — Ой! Что это?

Я вздрогнул от неожиданности. Черт, это не сон! Девушка чуть отстранилась и смотрела на меня огромными глазами.

— А в-в-вы вообще кто?

Ее голос вмиг растерял все мурлычащие нотки. Запах ландыша вдруг стал удушающим.

— Тот же вопрос могу задать и вам, — хмыкнул я. — Перепутали комнату, милейшая?

Я чуть приподнялся на локтях и едва не присвистнул: из одежды на ней ничего не было.

— Не знал, что тут одобряется такое поведение, — и не смог не отметить: — Хотя фигура у вас что надо.

Она ойкнула, попыталась прикрыть руками грудь, побледнела и... рухнула в обморок.

Ступор длился пару секунд. Ругнувшись, я вскочил с кровати и осмотрел девушку. Этого еще тут не хватало! Хм, что-то старовата для студентки, хотя хороша, ничего не скажешь. Медленно провел рукой над ее грудью, которая не вовремя поднялась в глубоком вдохе. Ладонь укололи тысячи иголок. Дурманное заклятье. Чувственное, если не ошибаюсь. Только вот с привязкой на полное вытягивание сил. Кто ж ее так?